

Салимова Дания Абузаровна

СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ДЕТСКИХ РАССКАЗАХ С. Т. РОМАНОВСКОГО

В статье дается сжатая характеристика нескольких средств языковой выразительности, использованных в детских рассказах елабужского прозаика С. Т. Романовского. Отмечается, что образ природы, освещаемый с наивной точки зрения юного читателя, в рассказах предстает как живое существо; "детскости" текстов, особому их восприятию способствует также и речь персонажей, насыщенная элементами просторечной лексики и эмоционально окрашенными сравнениями.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/1-2/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. II. С. 175-178. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

SEMANTIC VARIATIONS OF BEAUTY IN POEMS BY ANNA AKHMATOVA

Pugacheva Elli Vladimirovna
Siberian State Industrial University
elle_m@rambler.ru

The article presents a selection of words to describe Beauty in the poems by Anna Akhmatova both according to objective indicators and the author's individual vision of reality. It is ascertained by means of contextual method that in the poems by the poet there are five times more subjective descriptions of Beauty in comparison to generally accepted objective ideas about Beauty, and it considerably expands a figurative palette of the created plots and images.

Key words and phrases: contextual method; oxymoron; artistic image; motive; subtext; plot; symbol; epithet; metaphor; simile.

УДК 8; 811.161.1

Филологические науки

В статье дается сжатая характеристика нескольких средств языковой выразительности, использованных в детских рассказах елабужского прозаика С. Т. Романовского. Отмечается, что образ природы, освещаемый с наивной точки зрения юного читателя, в рассказах предстает как живое существо; «детскости» текстов, особому их восприятию способствует также и речь персонажей, насыщенная элементами просторечной лексики и эмоционально окрашенными сравнениями.

Ключевые слова и фразы: текст; детские рассказы; средства языковой выразительности; эпитеты; олицетворение; просторечная лексика.

Салимова Дания Абузаровна, д. филол. н., профессор
Казанский федеральный университет
daniya.salimova@mail.ru

**СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
В ДЕТСКИХ РАССКАЗАХ С. Т. РОМАНОВСКОГО[©]**

Настоящая работа посвящена описанию изобразительно-выразительного потенциала отдельных лексико-грамматических средств в детских рассказах С. Т. Романовского, автора – нашего земляка, языковое творчество которого представляет собой историко-культурную ценность не только для нашего Прикамского региона, но и всего общероссийского пространства. В наше время, когда нравственное воспитание молодого поколения, особенно детей школьного возраста, становится задачей государственной, актуальность исследований, связанных с восприятием детьми различных текстов, мотивируется вдвойне.

Можно утверждать: исследование языка детских рассказов непосредственно связано и с относительно новым в науке о человеке направлением – с онтолингвистикой. В свое время в России пристальное внимание вопросам детской литературы уделяли выдающиеся писатели М. Горький, К. И. Чуковский и С. Я. Маршак, критик В. Г. Белинский. Анализом детской литературы занимались такие ученые как В. Пропп, Ю. Лотман, Р. Раскин, Л. Карасев, В. Карасик, Л. В. Долженко, а также их зарубежные коллеги Д. Кристал, И. Норрис, В. Нэш и др.

Однако стоит заметить, что вопрос специфики языка произведений детской литературы в настоящее время в лингвистике всё же изучен недостаточно. В научной литературе встречаются лишь отдельные статьи, посвящённые частным вопросам онтолингвистики и анализу некоторых языковых средств детских произведений [1].

Интерес к изучению художественной литературы вообще и к средствам создания выразительности и образности в художественных текстах в частности никогда не ослабевал. А язык, поэтика произведений С. Романовского только еще начинают изучаться. Проблемы языковой креативности, «творческой» функции языка, особенно анализ языка художественного текста, целостная его интерпретация находятся в центре внимания лингвистов уже несколько десятилетий. В чем «тайна» воздействия рассказов данного писателя на юного читателя, какова роль в этом речевой ткани произведения, в чем специфика художественной речи в отличие от других видов речи – все эти вопросы представляют огромный интерес и для языковедов, и для литераторов, и для психологов. Актуальность и перспективность исследуемой темы обусловлена также тем, что в XXI веке лингвистоведов и языковедов с точки зрения новых научных парадигм заинтересовали произведения писателей о «малой родине», к которым, несомненно, относятся и все тексты С. Т. Романовского. «С. Т. Романовский как автор, творчество которого еще не получило должного лингвистического описания» [3, с. 5], интересен нам как в плане вектора региональной лингвистики, так и в целом в плане речевой реализации средств выразительности русского языка в текстовом поле, адресованном на юного читателя. В статье анализируются детские рассказы С. Т. Романовского разных лет [2].

Образность речи, как известно, – это выразительно-изобразительные качества речи, сообщаемые ей лексическими и грамматическими средствами (экспрессивной лексикой, особыми аффиксами, тропами и фигурами). Попробуем вкратце очертить особенности использования автором Романовским, несправедливо забытым сегодняшним читателем, некоторых таких выразительно-изобразительных качеств речи.

Станислав Тимофеевич Романовский – писатель, чье творчество выпало на неоднозначно трактуемый двадцатый (так называемый «советский») век. Сегодня назрела необходимость возвращения в историю русской литературы и тех писателей, имена которых были несправедливо забыты, хотя в определённые периоды истории эти авторы пользовались большим успехом у читателей. Наследие этого прозаика составляет более тридцати сборников повестей и рассказов, увидевших свет в самых авторитетных изданиях Москвы и Казани, в которых автор описывает жизнь и быт елабужан XX века, изучает топонимику Елабужского края, воспетого в своё время Н. А. Дуровой, И. И. Шишкиным, а также уделяет пристальное внимание изучению так называемого «человека из народа», труженика села своего времени. В Елабуге сохранилась исконно русская певучая речь, которую в раннем детстве впитал будущий писатель, и она в полный голос зазвучала со страниц его произведений. Около сорока лет С. Т. Романовский был активным деятелем в области художественной литературы; его рассказы и повести не утратили своей ценности и по сей день и в наши дни читаются с удовольствием как представителями младшего поколения, так и взрослыми.

С. Т. Романовский (1931-1996 гг.) сумел передать своим героям любовь к родной земле, лесам, полям, рекам, глубоким оврагам, горкам с едва заметными впадинами. Дети в его рассказах, вместе со взрослыми, охраняют, украшают и берегут свой Прикамский край. Именно со «жгучей силой», силой спокойной и умной написаны его книги. Автор мастерски выдерживает интонацию: читаешь и будто слышишь местный, вятский говор – поспешный, завораживающий, музыкальный. Детская тема, детский язык, неожиданные, оригинальные, непосредственные, именно такие, как у детей, сравнения и образы – все это делает рассказы С. Т. Романовского близкими и родными не только для детей, но и для взрослых, ибо детская тема – это нечто успокаивающее, объединяющее всех нас, умиротворяющее. На все, что окружает, у автора, точнее, у его героев, особый тонкий и глубокий взгляд. В простых вещах читатель начинает видеть, чувствовать неизведанное, тайное, светлое, при этом глубоко родное, свое. Таковое становится возможным, в первую очередь, благодаря использованным автором языковым средствам.

В произведениях Романовского нами выявлено огромное количество выразительных средств, в частности тропы: метафоры, эпитеты, олицетворения, метонимия, гиперболы, сравнения, литоты, синекдоха и т.д. Сделаем попытку проанализировать их более конкретно. Рассмотрим лишь некоторые из них.

Эпитеты, как известно, художественно определяют предмет, вызывая при этом определённое эмоциональное отношение к ним, позволяют увидеть авторское отношение (в данном случае – глазами ребенка) к окружающему миру. «Я сажал их в ведро с водой, сверху насыпал палых листьев, и рыбы стояли смиренно под золотой лиственной крышей» [Там же, с. 6]; «...и каждый лист в отдельности и все они вместе смотрелись выдышанными из тончайшего серебряного дыма» [Там же, с. 8]. Еще больше в рассказах неожиданных и нехарактерных для литературной речи конструкций и эпитетов типа «молочные глаза» [Там же, с. 161], «бархатная сажа» [Там же, с. 128], «кирпичная пасть» [Там же, с. 148] и т.п.

Встречаются эпитеты, выраженные прилагательным, но обозначающие признак действия: «Ночью она (вода) кажется густой и теплой, как парное молоко» [Там же, с. 15]. Романовский также умело использует наречия в роли эпитетов: «По утрам снег красно горел на лугах» [Там же, с. 11].

Когда признак, выраженный эпитетом, как бы присоединяется к предмету, он обогащает его в смысловом и эмоциональном отношении. Это свойство эпитета и используется автором при создании художественного образа: «И я углядел ярко-рыжие, веснушчатые, одна к одной, литые шляпки...» [Там же, с. 18]; «Толпа шла по открытому полю, по синим пушистым теням, которые отбрасывали дышащие холодом металлические крылья самолетов» [Там же, с. 28].

В произведениях мы обнаружили также эпитеты, которые не только определяют предмет или подчёркивают какие-либо стороны, но и переносят на него с другого предмета или явления новое, дополнительное качество (такие эпитеты называют метафорическими):

«Раздумчивые волны, изредка пенясь на гребнях, из дальней дали, тонущей в сырой дымке, подкатывались к нам под ноги, мыли желтые древесные корни, свисающие с обрыва, играючи переворачивали коряги, отшлифованные водой, качали одинокую черную лодку на заржавленной цепи, скрипа второй не было слышно» [Там же, с. 88]. Так, наряду с короткими, простыми, детскими фразами у автора часто появляются такие «серьезные» большие конструкты, отяжеленные причастными оборотами, как бы нарочито указывающие на то, что русский литературный язык гибок и разнообразен.

У Станислава Романовского один из самых любимых приемов – это олицетворение. В 26 примерах, отобранных нами, неживому предмету или природе приписываются те действия, которые совершать может только человек. Так эти предметы как бы оживают, неодушевленные или абстрактные предметы наделяются, как и в детском сознании, свойствами живых существ:

1) даром речи: «Дрозд скрипел, и в скрипе его угадывался говор скворца» [Там же, с. 7]; «Даже трактора не переговариваются в ночи» [Там же, с. 31]; «Она стояла и слушала, как далеко по лесу раздаются его чавкающие шаги, как бормочет ручей, и не спешила идти на кордон» [Там же, с. 42]; «Белые церкви никогда не спорили с природой, не дерзили ей, не попирали ее...» [Там же, с. 159]; или же «Бормочет ручей» [Там же, с. 42];

2) способностью мыслить и чувствовать: «Съели всех, наверное, эти самые щуки-старички и теперь соображают: —Что же дальше-то будем есть, а?» [Там же, с. 10]; «Андрей подумал, что самолет устал и бежать ему неохота» [Там же, с. 24];

3) способностью двигаться: «Только изредка, услышав плеск в протоке свободных собратьев своих, они отзывались на него возней, и листья в ведре ходили ходуном» [Там же, с. 6]; «По озерку от дна застругами до кувшинок и камышей ходили золотые волны света, плясали на боках шук, и сколько я ни всматривался, никаких других обитателей в озерке не обнаружил» [Там же, с. 10]. Тихий ход и шум родника автор надевает «двигательным» свойством: «шевелится родник» [Там же, с. 14], а мерцание и перемещение звезд на небе за определенное время как нельзя точно определяет: «звезды толкаются» [Там же, с. 15].

Все олицетворения, выписанные из текстов, оказались индивидуально-авторскими. Они являются идеальным приёмом выразительности, способным «зацепить» юного читателя: «Природа, наверное, тоже слышит меня: толчки моего сердца отдаются в траве, дыхание мое тает в воздухе» [Там же, с. 16]; «Внизу в иллюминаторах сквозь белые пряди горели огни – то россыпью, то грудой, то разбегающимися строчками» [Там же, с. 27];

4) способностью овеществления: «Широкая грудь его (трактора) была теплой, и, отходя ко сну, неслышно дышал он ухоженным, хорошо смазанным железом...» [Там же].

Так, у Романовского есть «веснушчатые шляпки», трактор «дышит», листья «ходуном ходят», волны света «пляшут», снег горит «красно» и т.д. Неслучайно его герой вполне серьезно рассуждает: «Природа, наверное, тоже слышит меня: толчки моего сердца отдаются в траве, дыхание мое тает в воздухе» [Там же, с. 16]. Склонность к фантазии, оригинальность мышления характеризуют почти каждого юного персонажа Романовского: «...живая, ворчливая, добрая печь» [Там же, с. 148] или «безглазая изба» [Там же, с. 149] – так может сказать только ребенок, видя и ощущая теплую шумную печь или же старый домик без окон. «Щуки-старички. Скорее всего: старик и старуха. Чета» (они, скорее всего, двигались вяло и лениво) [Там же, с. 10], «...солнце висело с рваными краями» [Там же, с. 202], «туман одел землю» [Там же, с. 30] – это тоже примеры отражения исключительно детского типа мышления.

Для художественного стиля Романовского характерно использование различной лексики, в том числе и разговорной, это придает естественность и живость речи героев, создает эффект непринужденности, непосредственности общения. Разговорная лексика, как правило, имеет эмоциональную и аффективную окраску: «В четыре часа протока закипала, как кипятилок, от всплесков окуней, что объявлялись невесть откуда» [Там же, с. 5]; «Вот и приходится век коротать вместе – голова к голове» [Там же, с. 11]; «Человек ты, видно, хороший, хлебом меня потчевал» [Там же, с. 31]; «Не пообидитесь, дескать, что мы детей называем вашими именами и приглашаем вас в крестные» [Там же, с. 37]. Ориентация автора на «живую», непринужденную речь героев, употребление элементов разговорной речи обусловлены и правдивым описанием быта и нравов жителей Елабуги, а также раскрытием внутреннего мира современного «маленького человека». Для устной речи коренных жителей Елабуги, города, долгие десятилетия остававшегося провинциальным, и сегодня характерно обилие просторечных, разговорных элементов.

Даже так называемые «неправильности», то есть нарушения грамматических норм, например, использование формы множественного числа слова «ребенок» вместо супплетивного «дети», еще более усиливает ощущения наивности и искренности юного персонажа: «...внизу ребенки бегали» [Там же, с. 62]. Таковы примеры «охмуряж» [Там же, с. 203], «шелупень» [Там же], «белибердень» [Там же], «рематись» [Там же, с. 176], «ока-явший» [Там же, с. 189] и др. Следующий пример представляет своего рода синтез самых различных средств языковой изобразительности: «Показалась дымная луна, засияла на крышах, покрыла их красным кровельным железом, дотронулась до тумана, и поверх него, высоко вздымая голову свою, пронесся белый конь, проплыл, проскользил, как видение, и померк» [Там же, с. 32]; обилие эпитетов, метафор, сравнений, ряды однородных сказуемых, выраженных глаголами совершенного вида с разными оттенками значений и способов действия (однократность, финитивность, начинательный и длительно-ограничительный способы действия) и неправильная форма глагола «проскользил» (не проскользнул), как бы дополняя друг друга, встают в один ряд и создают общую картину, похожую на сказку или кинокадры, мгновения окружающего ребенка мира.

Детские произведения С. Романовского по своей природе весьма специфичны. Эта специфика проявляется не только в тематике и сюжете, но и в особенностях языка детских художественных произведений. Язык детских рассказов данного автора образный, эмоциональный, согретый лиризмом, иногда наивный, наиболее соответствует особенностям мировосприятия и мышления ребенка. Ведь для детской читательской аудитории характерны недостаток знаний о мире, иная, чем у взрослых, система ценностей, меньший уровень языковой компетенции (мы решили называть такие примеры своеобразными «языковыми неправильностями»). Данные особенности не могут не найти отражения в языке произведений писателя С. Т. Романовского, мастерски сумевшего применять тропы и фигуры в своих текстах для детей: приемы выразительности, использованные Романовским, удивляют читателя, иногда потрясают его, впечатляют неожиданными картинками и образами.

Особую роль в дискурсе Stanisława Тимофеевича занимает природа. Именно она – главное действующее лицо. Являясь прекрасным знакомом родной земли, С. Т. Романовский очень просто и доступно описывает все ее богатство и разнообразие, ее красоту и поэзию при помощи выявленных нами тропов и фигур. Привить любовь ребенка к своей родной земле через проявление интереса и любви к природе, к Малой родине – эту задачу автор реализует в том числе и средствами языковой выразительности. Вспомним, именно в детстве на нас огромное впечатление оказывает природа с ее тайнами и красотой, могуществом и многогранностью. Говоря об этом, о нечто близком, очаровательном, детям на детском языке, прозаик как бы сам включается в детскую среду: он в них, он – один из них. Нельзя не отметить еще одну характерологическую черту использования Романовским

средств языковой выразительности: это их ввод в текст. Языковые формы, оригинальные конструкторы, сравнения и эпитеты вводятся автором так незаметно, плавно, не нарочито, что все это смотрится и воспринимается вполне естественно, как сама детская речь. Мы бы назвали это свойство автора «художническим талантом» (рисовать картины), ведь общеизвестно, что, когда видишь талантливую картину, не обращаешь внимания ни на оригинальные детали, ни на нетрадиционные сочетания цветов, картина тебя просто завораживает. Точно так же ведут себя детские рассказы Романовского – автора с университетским филологическим образованием, знавшего тонкости русской литературной стилистики. Тема детства «как органическая составляющая авторской картины мира, ориентированной на традиционную культуру» [Там же, с. 53], таким образом, в его текстовом поле раскрывается целой палитрой средств эстетически-выразительного потенциала русского языка.

Итак, специфику исследованных нами текстов определяют не только тематика произведений, но и их языковые особенности, которые неразрывно связаны с речевым развитием ребёнка, его мировосприятием и мышлением. Все вышеназванные языковые средства делают текст детских рассказов С. Т. Романовского очень ярким, образным, метафоричным, эмоциональным, музыкальным, динамичным, интересным, доступным и близким ребёнку. Не зря рассказы автора включены в программу школьного чтения, в список дополнительной литературы не только юных елабужан, но и школьников близлежащих городов. Детские рассказы Станислава Романовского, тексты которых нам удалось проанализировать лишь частично, учат чувствовать, ценить, любить окружающий мир; видеть, насколько разнообразна, неожиданна и загадочна наша природа; осознавать, как важно жить ребёнку в гармонии и согласии с природой родного края, потому что он (ребёнок) сам есть частичка «золотой плоти солнца» [Там же, с. 117].

Список литературы

1. Долженко Л. В. Аксиологический аспект мотива детства в рассказах В. М. Шукшина // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012. № 11. С. 53-56.
2. Романовский С. Т. Откровение: рассказы. М.: Современник, 1979. 272 с.
3. Салимова Д. А., Бубекова Л. Б., Данилова Ю. Ю. Лингвостилистические характеристики художественного дискурса Д. И. Стахеева. Краснодар, 2011. 100 с.

MEANS OF LINGUISTIC EXPRESSION IN STORIES FOR CHILDREN BY S. T. ROMANOVSKY

Salimova Daniya Abuzarovna, Doctor in Philology, Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
daniya.salimova@mail.ru

In the article a brief characteristic of several means of linguistic expression, which are used in stories for children of the prose writer from Elabuga S. T. Romanovsky, is given. It is also mentioned that the image of the nature, illustrated from a naive point of young reader's view, appears as a creature in stories; the speech of the characters, which is rich with the elements of colloquialisms and emotive comparisons, contributes to «childishness» of texts, to their particular perception.

Key words and phrases: text; stories for children; means of linguistic expression; epithets; personification; colloquialisms.

УДК 81'367

Филологические науки

Статья посвящена исследованию синтаксических фразеомоделей, выражающих интенсивно-релятивные отношения, в языковом пространстве масс-медиа. В статье рассматриваются фразеологизированные конструкции русского языка как средство описательной номинации семантики интенсивности, которая вербализируется за счет содержания как диктумной (конкретно-референтного или обобщенно-референтного значения), так и модусной (оценочного, эмотивного или метатекстового характера) постпозитивной части фразеомодели.

Ключевые слова и фразы: номинация; диктум; модус; интенсивность; оценочность; эмотивность.

Сафонова Светлана Сергеевна, к. филол. н., доцент

Чупрякова Ольга Анатольевна, к. филол. н.

Казанский (Приволжский) федеральный университет
sekretstar16@rambler.ru; bezdna2008@rambler.ru

ФРАЗЕОМОДЕЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК СПОСОБ ОПИСАТЕЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ[©]

В современной науке о языке проблема взаимодействия и корреляции номинации и предикации, связанная с различными аспектами экспрессивности языковой системы: лексико-семантическим, деривационным,